

Троцкий ЛД

Программа
мира.

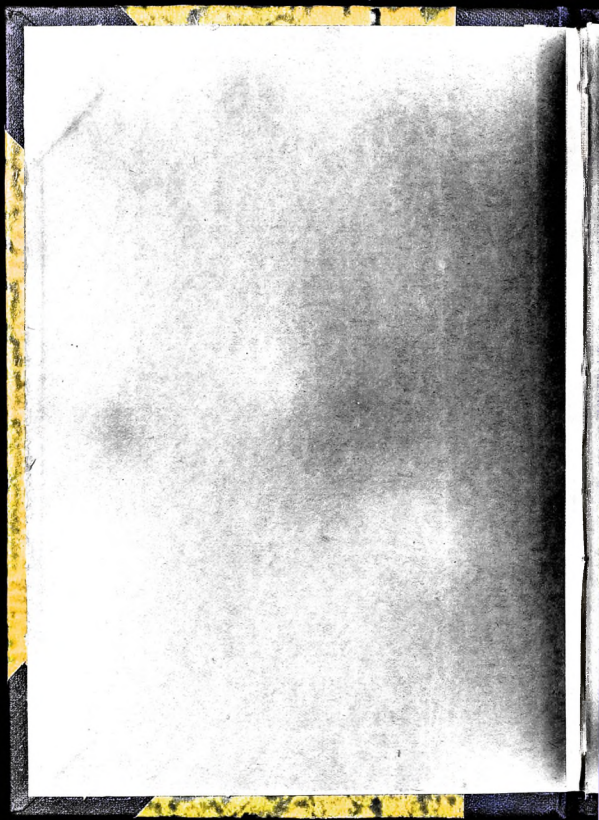
Пг.,

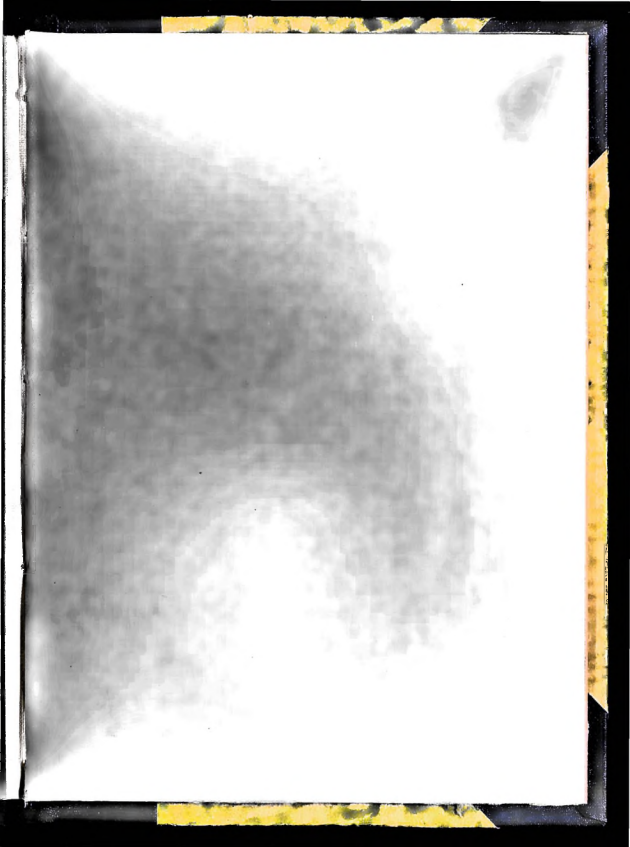
ИМЛ — Библиотека

ЕНД 71

П 911

2/28









Л. Троцкий.

X

ЕНН

ПРИ

ПРОГРАММА МИРА.

Къ Стокгольмской Конференци.

Цѣна 25 коп.

Л. Троцкий

Издательство „КНИГА“.
Петроградъ, Невскій пр., 74, кв. 90.
ОТДѢЛЕНІЯ:
въ Петроградѣ: Стремянная, 11, тел. 648-62,
въ Москвѣ: Б. Садовая, д. Пигитъ_10, кв. 33. тел. 5-60-22.

ЕН 171
П 911

БИБЛИОТЕКА
№-те под. ...
при ЦИ ...

1068628

~~30-152~~

Предисловіе.

Временное Правительство второго состава заявило въ своей деклараціи, что намѣрено отстаивать миръ безъ аннексій, безъ контрибуцій и съ гарантіей права на національное самоопредѣленіе. Эта формула могла показаться многимъ простодушнымъ людямъ подлиннымъ рѣшеніемъ вопроса—особенно послѣ имперіалистическаго безстыдства г. Милюкова. Но кто знакомъ съ формулами англо-французскаго изготвленія (фирмы Ллойдъ-Джорджа-Бриана-Рибо) или хотя бы съ пацифистскими формулами американскаго президента Вильсона, тотъ не могъ не отнестись къ деклараціи Временнаго Правительства со спасительнымъ недоумѣніемъ. Никогда со времени сотворенія міра правящіе классы не лгали такъ много, какъ въ эпоху нынѣшней войны. «Эта война есть война за демократію». «Эта война есть война за миръ и союзъ націй». «Эта война есть послѣдняя война». Подъ прикрытіемъ этихъ лозунговъ шло и идетъ дальнѣйшее натравливаніе народа на народъ. Чѣмъ оголеннѣе и безстыднѣе историческій смыслъ нынѣшней имперіалистической бойни, тѣмъ болѣе пышными формулами стремятся правящіе и служающіе политики прикрыть ея содержаніе. Буржуазія Соединенныхъ Штатовъ вмѣшалась въ войну, защищая свое священное право вывозить аммуницію и наживать миллиарды на европейской крови: тѣмъ настоятельнѣе было для демократическаго ханжи Вильсона привести въ движеніе всѣ хоругви пацифизма.

Надъ постановкой усыпляющихъ сознаніе формулъ особенно много потрудились социаль-патріоты: въ этомъ собственно и состояла ихъ главная роль въ механизмѣ нынѣшней войны. Ставя передъ массами такія цѣли, какъ «защита страны», или «установленіе международ-

наго третейскаго суда», или «освобождение угнетенных націй», социаль-патріоты разрѣшеніе этихъ задачъ связывали въ сознаниі массы съ побѣдою оружія собственной страны. Они неумоимо мобилизовали идеалистическіе лозунги въ интересахъ имперіализма.

Безвыходно-затяжной характеръ войны, всеобщее экономическое разстройство, ростъ недовольства и нетерпѣнія въ низахъ, уже нашедшій свое первое выраженіе въ великолѣпномъ прологѣ русской революціи,— все это заставляетъ правящихъ обѣихъ коалицій искать путей къ ликвидаціи войны.

Разумѣется, самымъ лучшимъ способомъ ликвидаціи явилась бы такъ называемая «рѣшительная побѣда». Германскіе имперіалисты доказываютъ, что безъ побѣды и всѣхъ вытекающихъ изъ нея преимуществъ всему режиму грозитъ опасность. Французскіе націоналисты не менѣе убѣдительно доказывали то же самое по отношенію къ Франціи. Но чѣмъ дальше затягивается война, чѣмъ менѣе осуществимой становится «рѣшительная побѣда», тѣмъ тревожнѣе и неувѣреннѣе становится настроеніе правящихъ, въ томъ числѣ и ихъ социаль-патріотическаго фланга. Ликвидация войны путемъ гнилого соглашенія (главнымъ образомъ, за счетъ малыхъ и слабыхъ народовъ) становится такой же задачей для официальной дипломатіи, какъ возстановленіе «Интернаціонала» путемъ взаимнаго отпущенія грѣховъ— для дипломатіи социаль-патріотической.

Правящіе ощущаютъ острую потребность въ мирѣ. Но въ то же время они боятся мира, ибо день открытія мирныхъ переговоровъ будетъ днемъ подведенія итоговъ. Именно поэтому официальная дипломатія не прочь, чтобъ на хрупкій ледъ мирныхъ переговоровъ вступили первыми дипломаты социаль-патріотизма. Между собою и ими официальнаго правительства предусмотрительно устанавливаютъ извѣстную дистанцію—на случай провала. Въ этомъ полуофициальномъ нащупываніи почвы для мирныхъ переговоровъ и состоитъ основная задача предстоящей вскорѣ стокгольмской «соціалистической» конференціи.

Внутренняя противорѣчивость этой конференціи ярче всего вскрывается на политикѣ русскаго Времен-

наго Правительства и его составных частей. Во имя одной и той же программы «мира без аннексий», Терещенко, какъ намъ говорятъ, убѣждаетъ союзныхъ империалистовъ перейти къ честному образу жизни, г. Керенскій, не дожидаясь плодовъ этого убѣждения, готовитъ русскую армію для наступленія, а Церетелли и Скобелевъ—собираются въ Стокгольмъ для неофициальныхъ переговоровъ о мирѣ. На увѣщанія г. Терещенко итальянское правительство отвѣчаетъ объявленіемъ протектората надъ Албаніей, а г. Рибо снова подтверждаетъ необходимость полной побѣды и отказываетъ своимъ социалистамъ въ паспортахъ для побѣдки въ Стокгольмъ, куда приглашаютъ ихъ стоящіе у власти русскіе коллеги г. Рибо. Какъ ни взять программу «мира безъ аннексий и пр.»,—какъ тому ли для увѣщаній по адресу союзниковъ, какъ лозунгъ для стратегическаго наступленія, или какъ предметъ для переговоровъ между Церетелли, Шейдеманомъ и Реноделемъ — программа эта не внушаетъ намъ никакого довѣрія. Ренодель уже сейчасъ выясняетъ своимъ политическимъ господамъ, т. е. правящимъ классамъ, что оны собираются въ Стокгольмъ прежде всего для того, чтобы разоблачить нѣмецкихъ социалистовъ и доказать французскимъ и союзнымъ рабочимъ необходимость войны «до конца». Надо думать, что Шейдеманъ вооруженъ — на худой конецъ — подобнымъ же планомъ. Ничто не обезпечиваетъ намъ того, что конференція, дѣйствительно, станетъ хотя бы вступленіемъ къ мирнымъ переговорамъ капиталистической дипломатіи. Она можетъ съ такой же вѣроятностью стать средствомъ разжиганія потухающихъ шовинистическихъ страстей. При такихъ условіяхъ было бы съ нашей стороны преступленіемъ внушать рабочимъ массамъ довѣріе къ стокгольмской конференціи и тѣмъ отвлекать ихъ вниманіе отъ единственнаго вѣрнаго, т. е. революціоннаго пути къ миру и братству народовъ.

Инициатива созыва стокгольмской конференціи находится въ рукахъ Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Это придаетъ всему предпріятію величайшую двойственность. Не будучи социалистической организаціей, Совѣтъ говоритъ, однако, отъ имени глубоко-революціонныхъ массъ. Въ то же

время во главѣ Совѣта, опираясь на недостаточную оформленность сознания этихъ массъ, стоягь политики, насквозь пропитанные мелко-буржуазнымъ скептицизмомъ, недоувѣрjemъ къ пролетаріату и социальной революціи.

«Было бы безцѣльно, — говорятъ «Извѣстія Совѣта», подъ давленіемъ критики интернаціоналистовъ, — созывать конференцію социалистическихъ дипломатовъ, которые пытались бы за кабинетнымъ столомъ придти къ полюбовному соглашенію на счетъ перекройки карты Европы. Такая конференція не только не привела бы къ положительнымъ результатамъ, но могла бы сдѣлать еще глубже пропасть, раздѣляющую социалистовъ разныхъ странъ, пока ихъ кругозоръ не выходитъ за предѣлы національныхъ задачъ.

«Дѣйствительно, плодотворные результаты можетъ дать лишь другая конференція, — конференція, на которой каждая изъ явившихся группъ съ самаго начала будетъ себя чувствовать однимъ изъ отрядовъ международной арміи труда, собравшихся, чтобы общими силами дѣлать общее дѣло.

«Такъ именно, — заключаютъ «Извѣстія» — и ставить вопросъ письмо Исполнительнаго Комитета».

При этомъ «Извѣстія» скидываютъ со счетовъ то обстоятельство, что самъ Исполнительный Комитетъ тѣснѣйшими узами связанъ съ русской капиталистической дипломатіей, а черезъ нее — и съ дипломатіей союзниковъ. Высказываясь «въ принципѣ» за разрывъ національнаго единенія, Исполнительный Комитетъ тѣмъ прочнѣе стремится закрѣпить національное единеніе у себя дома.

Построенная на такихъ началахъ конференція, если бы ей даже удалось собраться, не сможетъ на первыхъ же шагахъ не обнаружить своей полной несостоятельности. Было бы легкомысліемъ или слѣпотой брать на себя ответственность передъ массами за предпріятіе, въ самой основѣ котораго заложена двойственность и безпринципность.

Программа мира — для насъ — есть программа международной революціонной борьбы руководимыхъ пролетаріатомъ трудящихся массъ противъ правящихъ классовъ. Въ Циммервальдѣ и Кинталѣ революціонные со-

ціалісты съ достаточной опредѣленностью формулировали общіе принципы такой борьбы. У насъ сейчасъ меньше, чѣмъ когда бы то ни было, оснований отклоняться отъ нихъ въ сторону «принциповъ» Керенскаго или Церетелли. Мы вошли въ эпоху могущественныхъ революціонныхъ потрясеній. Политическая половинчатость, а тѣмъ болѣе политическій авантюризмъ будутъ быстро изживаться. Идти въ ногу съ историческимъ движеніемъ сможетъ только та партія, которая свою программу и тактику строитъ въ расчетъ на развитіе социально-революціонной борьбы міроваго, въ первую голову—европейскаго пролетаріата.

Левъ Троцкий.

Петроградъ, 25 Мая 1917 г.

I. ЧТО ТАКОЕ ПРОГРАММА МИРА?

Что такое программа мира? Съ точки зрѣнія господствующих классовъ или служащихъ имъ партій, это—совокупность тѣхъ требованій, осуществленіе которыхъ должно быть обезпечено силою милитаризма. Такъ для осуществленія «программы мира» г. Милюкова нужно съ оружіемъ въ рукахъ овладѣть Константинополемъ. Программа мира Вандервельде требуетъ предвѣстнаго изгнанія нѣмцевъ изъ Бельгіи... Съ этой точки зрѣнія параграфы мира подводятъ только итоги тому, что слѣдано оружіемъ войны. Иначе сказать, программа мира есть программа войны. Но такъ представляется дѣло *до вмешательства третьей силы*—соціалистическаго интернаціонала. Для революціоннаго пролетаріата программа мира означаетъ не тѣ требованія, которыя долженъ осуществить національный милитаризмъ, а тѣ, которыя международный пролетаріатъ хочетъ навязать своей революціонной борьбой противъ милитаризма во всѣхъ странахъ. Чѣмъ больше развертывается международное революціонное движеніе, тѣмъ болѣе независимыми становятся вопросы мира отъ чисто военного положенія сторонъ, тѣмъ болѣе сводится на нѣтъ опасность, что условія мира могутъ быть поняты массами, какъ цѣль войны.

Это ярче всего раскрывается передъ нами на вопросѣ о судьбѣ малыхъ націй и слабыхъ государствъ.

Война открылась сокрушительнымъ натискомъ германскихъ армій на Бельгію и Люксембургъ. Въ откликъ, порожденномъ разгромомъ маленькой страны, наряду съ фальшивымъ и корыстнымъ негодованіемъ правящихъ классовъ противнаго лагеря, слышалось и неподдѣльное

возмущение народных масс, симпатии которых были привлечены судьбою маленького народа, громадного только потому, что он оказался между двумя воюющими гигантами.

В тот начальный момент войны участь Бельгии привлекала внимание и сочувствие исключительно трагизма. По тридцать четыре мѣсяца военных операций показали, что бельгийскій эпизодъ былъ только первымъ шагомъ на пути разрѣшенія основной задачи империалистической войны: *подчиненія слабыхъ сильнымъ*.

На область международныхъ отношеній капитализмъ перенесъ тѣ же методы, какими онъ «регулируеть» внутреннюю хозяйственную жизнь отдѣльныхъ націй. Путь конкуренціи есть путь систематическаго крушенія мелкихъ и среднихъ предпріятій и торжества крупнаго капитала. Мировое соперничество капиталистическихъ силъ означаетъ систематическое подчиненіе мелкихъ, среднихъ и отсталыхъ націй крупнымъ и крупнѣйшимъ капиталистическимъ державамъ. Чѣмъ выше становится капиталистическая техника, чѣмъ большую роль играетъ финансовый капиталъ, чѣмъ болѣе высокія требованія предъявляетъ милитаризмъ, тѣмъ въ большую зависимость попадаютъ мелкія государства отъ великихъ державъ. Этотъ процессъ, составляющій необходимую составную часть въ механикѣ империализма, непрерывно совершался и въ мирное время,—черезъ посредство государственныхъ займовъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ концессій, военно-дипломатическихъ соглашеній и пр. Война обнажила и ускорила этотъ процессъ, введя въ него факторъ открытаго насилія. Она разрушаетъ послѣдніе остатки «независимости» мелкихъ государствъ,—совершенно независимо отъ того, каковъ будетъ исходъ военнаго состязанія между двумя основными лагерями.

Бельгія все еще стонетъ подъ гнетомъ нѣмецкой солдатчины. Но это только вѣнѣе кроваво-драматическое выраженіе крушенія ея независимости. «Освобожденіе» Бельгии совершенно не стоитъ передъ союзниками, какъ самостоятельная задача. Въ дальнѣйшемъ ходѣ войны, какъ и послѣ нея, Бельгія войдетъ составной и подчиненной частицей въ великую игру капиталистическихъ гигантовъ. Безъ вмѣшательства третьей силы: *револю-*

ции, Бельгия может в результате войны остаться в тисках Германии, попасть в кабалу к Великобритании или быть подделенной между великодержавными хищниками обеих коалиций.

Точно то же приходится сказать о *Сербии*, национальная энергия которой послужила гирькой на мировых империалистических весах, колебания которых в ту и другую сторону меньше всего зависят от самостоятельных интересов Сербии.

Центральная империя вовлекла в водоворот войны *Турцию* и *Болгарию*. Остаются ли эти две страны юго-восточными органами австро-германского империалистического блока («Средняя Европа»), или превратятся в разбитую монету при подведении счетов, война, во всяком случае, дописывает последнюю главу в историю их самостоятельности.

Отчетливее всего, — до того как развернулась русская революция — оказалась ликвидированной независимость *Церсии*, с которой в принципе покончили англо-русское соглашение 1907 г.

Румыния и *Греция* достаточно ясно показали нам, какую скромную «свободу» выбора предоставляет борьба империалистических греггов мелким государственным фирмам. Румыния предпочла жесть свободного избрания, поднимая шлюзы своего государственного нейтралитета. Греция с пассивным упорством стремилась оставаться у себя «дома». Как бы для того, чтобы нагляднее обнаружить всю тщету «нейтралистской» борьбы за самосохранение, вся европейская война, в лице болгарских, турецких, французских, английских, русских и итальянских войск, перенеслась на греческую территорию. Свобода выбора распространяется в лучшем случае на форму самоупражнения. В конечном счете Румыния, как и Греция подведут один и тот же итог: окажутся ставками в руках крушных игроков.

На другом конце Европы маленькая *Португалия* сочла нужным вмешаться в войну на стороне союзников. Ее решение могло бы казаться необъяснимым, если бы в вопросе о вмешательстве в свалку у Португалии, состоящей под английским протекторатом,

было много больше свободы, чѣмъ у Тверской губерніи или у Ирландіи.

Капиталистическіе верхи *Голландіи* и трехъ *Скандинавскихъ странъ* загибаютъ, благодаря войнѣ, горы золота. Но тѣмъ ярче опущаютъ четыре нейтральныя государства европейскаго сѣверо-запада всю призрачность своего «суверенитета», который, если ему и удастся пережить войну, подвергнется великодержавному «сучету» въ условіяхъ мира.

«Независимая» *Польша* въ империалистической Европѣ сможетъ поддерживать вывѣску своей независимости, только ставши въ кабальную финансовую и военную зависимость отъ одной изъ великодержавныхъ группировокъ.

Государственная самостоятельность *Швейцаріи* раскрыла все свое содержаніе въ принудительной регламентации ея ввоза и вывоза. И уполномоченные маленкой федеративной республики, обвѣнчавшіе, съ шанкой въ рукѣ, пороги обоехъ воюющихъ лагерей, могутъ составить себѣ ясное представленіе о томъ, что означаютъ независимость и нейтралитетъ націи, которая не можетъ поставить на ноги вѣскольکو миллионевъ штыковъ.

Если война, благодаря умноженію своихъ фронтовъ и числа участниковъ, превратилась въ уравненіе со многими незавѣстными, исключющее для любого изъ правительствъ возможность формулировать такъ называемыя «цѣли войны», то мелкія государства имѣютъ то, весьма, впрочемъ, условное, преимущество, что ихъ историческая судьба можетъ считаться заранѣе предопределенной. Какой бы изъ лагерей ни одержали побѣду, и каковы бы ни были размахъ этой побѣды, возврата назадъ, къ независимости малыхъ государствъ, уже не можетъ быть. Побѣдитъ ли Германія или Англія, это можетъ рѣшить вопросъ лишь о томъ, кто будетъ непосредственнымъ хозяиномъ надъ малыми націями. Но только шарлатаны или безнадежные простофили могутъ связывать вопросъ о свободѣ малыхъ народовъ съ побѣдой той или другой стороны.

Совершенно такой же результатъ будетъ имѣть и третій, наиболѣе вѣроятный исходъ войны, *въ ничью*: отсутствіе явнаго перевѣса одного изъ воюющихъ лаге-

рей надъ другимъ только заставить ярче обнаружиться перевѣсъ сильныхъ надъ слабыми внутри каждаго изъ лагерей и перевѣсъ ихъ обоимъ—надъ «нейтральными» жертвами империализма. Исходъ войны безъ побѣдителей и побѣжденныхъ самъ по себѣ никого ни отъ чего не гарантируетъ,—*побѣжденными* все равно окажутся всѣ мелкія и слабыя государства: какъ тѣ, что истекали кровью на поляхъ сраженій, такъ и тѣ, что пробовали укрыться отъ судьбы въ тѣни своего нейтралитета.

Независимость бельгийцевъ, сербовъ, поляковъ, армянъ и пр. является для насъ не составной частью программы войны союзниковъ (какъ для Гэда, Плеханова, Вандервельде, Гелдерсона и пр.), а входитъ въ программу борьбы международного пролетаріата противъ империализма.

II. Status quo ante bellum. ¹⁾

Но можетъ ли пролетаріатъ при настоящихъ условіяхъ выдвигать свою самостоятельную «программу мира», то есть свои рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые породили нынѣшнюю войну или которые вскрылись въ ея теченіи?

Для осуществленія такой программы,—говорили намъ,—у пролетаріата сейчасъ нѣтъ силъ. Утопично надѣяться, чтобъ онъ осуществилъ свою собственную программу мира уже въ результатъ нынѣшней войны. Другое дѣло—борьба за самое прекращеніе войны и за миръ безъ аннексій, т. е. за возвращеніе къ status quo ante bellum, къ тому порядку, какой былъ до войны. Это болѣе реалистическая программа. Таковы были, напримѣръ, доводы т. Мартова, Мартынова и вообще меньшевистско-интернаціоналистовъ, которые въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, стоятъ не на революціонной, а на консервативной точкѣ зрѣнія (*не* социальная революція, *а* возстановленіе классовой борьбы, *не* Третій Интернаціональ, *а* возстановленіе Второго, *не* революціонная программа мира, *а* возвращеніе къ status quo ante bellum, *не* завоеваніе власти Сов. Раб. и Солд. Депутатовъ,

¹⁾ Тотъ порядокъ, какой былъ до войны.

а предоставление власти партиям буржуазии...). В каком, однако, смысле можно говорить о «реалистичности» борьбы за прекращение войны и за мир без аннексий? Что война раньше или позже прекратится, это несомненно. В этом *выжидательном* смысле лозунг прекращения войны, безусловно, очень «реалистичен», ибо бьет навстречу. А в революционном смысле? Не утопично ли надеяться—так можно бы возразить,—что европейскому пролетариату, при его нынешних силах, удастся приостановить военные действия *против* воли правящих классов? И не отказаться ли поэтому от лозунга прекращения войны? Далее. При каких условиях произойдет это прекращение? Тут могут быть теоретически разсуждая, три типических положения: 1) решительная победа одной из сторон; 2) общее истощение противников при отсутствии решающего перевеса какой-либо стороны; 3) вынужденность революционного пролетариата, приостанавливающего «естественное» развитие военных событий.

Совершенно очевидно, что в первом случае, когда война заканчивается решительной победой одной стороны, наивно мечтать о мире без аннексий. Если Шейдеманн и Ландсберги, всемерно поддерживающие работу своего милитаризма, выступают в парламент за «мир без аннексий», то именно в твердом расчете на то, что такого рода протесты никаким «полезным» аннексиям помешать не могут. С другой стороны, наш собственный верховный командующий, генерал Алексеев, объявляющий мир без аннексий «утопической фразой», совершенно основательно заключает, что главное дело—наступление, и что в случае успеха военных операций все остальное приложится само собою*). Для того, чтобы вырвать аннексию из рук победоносной стороны, вооруженной с ног до головы, пролетариату, очевидно, понадобятся бы, помимо доброй воли, революционная сила и прямая готовность открыто пустить ее в дело. Во всяком случае, в его распоряжении *нѣтъ* никаких «экономных»

*) Выход ген. Алексеева в отставку нимало не нарушает основательности его суждений.

средствъ добиться отъ побѣдоносной стороны отказа отъ использования достигнутой побѣды.

Второй исходъ войны, на который и разсчитываютъ преимущественно сторонники ограниченной программы «мира безъ аннексій—и только» предполагаетъ, что война, не прерываемая революціоннымъ вмѣшательствомъ третьей силы, исчерпываетъ всѣ ресурсы воюющихъ и заканчивается пазоромъ—безъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Къ этому состоянію, когда милитаризмъ окажется слабъ для завоеваній, а пролетаріатъ—для революціи, пассивные интернаціоналисты и приспособляютъ свою къцу» программу «мира безъ аннексій», которую они нерѣдко формулируютъ, какъ возвращеніе къ status quo ante bellum, т. е., къ порядку, какой былъ до войны. Но здѣсь-то мнимый реализмъ и открывается свою ахилесову пятау. На самомъ дѣлѣ исходъ войны «въ ничью», какъ мы уже показали выше, вовсе не исключаетъ аннексій; наоборотъ, *предполагаетъ* ихъ. Если ни одна изъ двухъ великодержавныхъ группировокъ не побѣдитъ, это вовсе не значитъ, что Сербія, Греція, Бельгія, Польша, Персія, Сирія, Армения и пр. останутся неприкосновенными. Наоборотъ: именно за счетъ третьяго, слабѣйшаго, и будутъ произведены въ этомъ случаѣ аннексіи. Чтобы помѣшать этимъ взаимнымъ «компенсаціямъ» (вознагражденіямъ) международному пролетаріату нужно прямое революціонное возстаніе противъ правящихъ. Газетныя статьи, резолюціи съѣздовъ, парламентскіе протесты и даже уличныя манифестаціи никогда не вмѣшали и не вмѣшаютъ правящимъ—путемъ ли побѣды или путемъ соглашенія—совершать территоріальныя захваты и поппрять слабыя народности.

Что касается третьяго исхода, то онъ яснѣе всего. Онъ предполагаетъ, что международный пролетаріатъ еще въ разгарѣ этой войны подымется съ такой силой, что парализуетъ и приостановитъ войну снизу. Совершенно очевидно, что въ этомъ наиболѣе благоприятномъ случаѣ пролетаріатъ, у котораго хватило силъ приостановитъ войну, мѣшѣе всего сможетъ и захочетъ ограничиться чисто-консервативной программой, сводящейся къ отрицанію аннексій.

Дѣйствительное осуществленіе мира безъ аннексій предполагаетъ, какъ видимъ, *во всѣхъ случаяхъ* mogućественное революціонное движеніе пролетаріата. Но предполагая такое движеніе, указанная программа остается совершенно мизерной по отношенію къ нему, резюмируясь въ требованіи восстановленія того порядка, какой былъ до войны и изъ котораго выросла война. Европейскій *status quo ante bellum*—продуктъ войны, хищной, насильной, легитимизма, дипломатической тупости и безсилія народовъ остается единственнымъ положительнымъ содержаніемъ лозунга «безъ аннексій».

Въ своей борьбѣ противъ имперіализма пролетаріатъ не можетъ ставить себѣ политической цѣлью возвращеніе къ старой европейской картѣ; онъ долженъ выдвинуть свою собственную программу *государственныхъ и національныхъ отношеній*, отвѣчающую основнымъ тенденціямъ экономическаго развитія, революціонному характеру эпохи и социалистическимъ интересамъ пролетаріата.

Изолированно поставленный лозунгъ «безъ аннексій» не даетъ, прежде всего, никакого критерія для политической ориентировки въ отдѣльныхъ вопросахъ, какъ они ставятся ходомъ войны. Если предположить, что Франція въ дальнѣйшемъ займетъ Эльзасъ и Лотарингію, обязана ли германская социаль-демократія, вслѣдъ за Шейдеманомъ, требовать возвращенія этихъ провинцій Германіи? Потребуемъ ли мы возвращенія Царства Польскаго Россіи? Будемъ ли мы стоять на томъ, чтобъ Японія вернула Кіао-Чау... Германіи? Чтобъ Италія возвратила по принадлежности занятія ею части Трентино? Это было бы бессмыслицей! Мы оказались бы фанатиками легитимизма, т. е., защитниками династическихъ и «историческихъ» правъ въ духѣ самой реакціонной дипломатіи. Да бѣда въ томъ, что и эта «программа» потребовала бы для своего осуществленія—революціи. Во всѣхъ перечисленныхъ и другихъ подобныхъ случаяхъ, поставленные лицомъ къ лицу съ конкретной дѣйствительностью, мы сможемъ, очевидно, выдвинуть только одинъ принципъ: *опросъ заинтересованнаго населенія*. Разумѣется, это критерій совсѣмъ не абсолютный. Такъ, французскіе «соціали-

сты» изъ большинства сводятъ опросъ населенія (Эльзась-Лотарингін) къ постыдной комедіи: сперва оккупировать, т. е. захватить военной силой, затѣмъ потребовать согласія быть аннексированными. Совершенно очевидно, что дѣйствительный опросъ предполагаетъ *революціонныя условія*, когда населеніе можетъ давать отвѣтъ не подъ дуломъ револьвера — нѣмецкаго или французскаго, все равно.

Единственное пріемлемое содержаніе лозунга «безъ аннексій» сводить его, такимъ образомъ, къ протесту противъ новыхъ *насилственныхъ захватовъ*, стало быть къ отрицательному выраженію *права націй на самоопредѣленіе*. Но мы видѣли, что это демократически безспорное «право» неизбѣжно превращается и будетъ превращаться для сильныхъ націй въ право захвата и пограбленія, а для слабыхъ—въ безсильное пожеланіе или въ «ключекъ бумаги», доколѣ политическая карта Европы замыкаетъ націи и осколки націй въ рамки государства, таможными отдѣленными другъ отъ друга и непрерывно сталкивающимися въ империалистической борьбѣ. А продолженіе этого режима мыслимо только черезъ пролетарскую революцію. *Въ сочетаніи пролетарской программы мира съ программой социальной революціи и лежитъ центръ тяжести вопроса.*

III. ПРАВО НАЦИИ НА САМООПРЕДѢЛЕНІЕ.

Мы видѣли выше, что социаль-демократія не можетъ шагу ступить при рѣшеніи конкретныхъ вопросовъ въ области национально-государственныхъ перегруппировокъ и новообразованій безъ принципа національнаго самоопредѣленія, который въ послѣднемъ своемъ выводѣ—означаетъ признаніе за каждой національной группой права опредѣлять свою *государственную* судьбу, стало быть отдѣляться отъ даннаго государства національностей (напр., Россія, Австрія). Единственно демократическій путь узнать «волю» націи—это опросить ее путемъ референдума. Но этотъ отвѣтъ, демократически обязательный, останется въ изложенномъ видѣ чисто *формальнымъ*. Онъ ничего не говоритъ намъ о ре-

альных возможностях, путях и средствах национального самоопределения в современных условиях капиталистического хозяйства. А, между тем, в этом, именно, центр тяжести вопроса.

Для многих, если не для большинства, угнетенных наций и национальных групп и осколков самоопределение означает расторжение существующих границ и расчленение империальных государств. В частности этот демократический принцип ведет к освобождению колоний. Между тем, вся политика империализма направлена на расширение государственных границ, независимо от национального принципа, на принудительное включение слабых народов в таможенную черту, на захват новых колоний. Империализм экспансивен и наступателен по существу, и именно этим своим качеством он характеризуется, а не измѣнчивыми маневрами дипломатии.

Таким образом, принятие национального самоопределения, во многих случаях ведущий к государственной и экономической децентрализации (расчленение, распад) враждебно сталкивается с могущественными централизаторскими стремлениями империализма, имѣющего в своих руках государственную организацию и военную силу. Правда, во многих случаях национально-сепаратистское движение находит поддержку в империалистических происках *соседняго* государства. Но эта поддержка может стать рѣшающей только путем применения военной силы. А как только дело доходит до военного столкновения двух империалистических организаций, *новыя* государственныя границы определяются не на основѣ национального принципа, а на основѣ соотношения военных силъ. *Заставит* побѣдоносное государство отказаться от аннексии вновь завоеванных земель так же трудно, как и принудить его дать ранѣ захваченным провинціямъ свободу самоопределения. Наконец, еслибъ даже совершилось чудо, и Европа оказалась силою оружія—о чемъ разглагольствуютъ полуфантасты-полуплуты типа Эрве—разбита на законченныя национальныя государства и государствица, этимъ ни въ малой мѣрѣ не былъ бы разрѣшенъ национальный вопросъ. На другой же день послѣ «справедливаго» национального передела капиталистическая

1068628

~~3082~~

экспансія возобновила бы свою работу, начались бы столкновения, войны и новые захваты съ полнымъ нарушеніемъ національнаго принципа во всёхъ тѣхъ случаяхъ, когда на его охранѣ не оказывалось бы достаточнаго количества штыковъ. Все вмѣстѣ производило бы такое впечатлѣніе, какъ если бы азартные игроки были вынуждены посреди игры «справедливо» перераспредѣлить между собою золото, чтобы, затѣмъ, съ двойнымъ неистовствомъ возобновить ту же игру.

Изъ могущества централистическихъ тенденцій имперіализма вовсе не вытекаетъ для насъ, однако, обязательство пассивнаго преклоненія предъ ними. Национальная общность является живымъ очагомъ культуры, какъ національный языкъ—ея живымъ органомъ, и это свое значеніе они сохраняютъ еще въ теченіе неопредѣленно долгихъ историческихъ періодовъ. Соціалдемократія хочетъ и должна, въ интересахъ матеріальной и духовной культуры, обезпечить за національной общностью свободу развитія (или растворенія),—именно въ этомъ смыслѣ она переняла отъ революціонной буржуазіи демократическій принципъ національнаго самоопредѣленія, какъ политическое обязательство.

Право на національное самоопредѣленіе не можетъ быть устраниено изъ пролетарской программы мира; но оно не можетъ претендовать на *абсолютное* значеніе: наоборотъ, оно ограничено для насъ встрѣчными и глубоко-прогрессивными тенденціями историческаго развитія. Если это «право» должно быть—путемъ революціонной силы—противопоставлено имперіалистическимъ методамъ централизма, закабаляющаго слабые и отсталые народы и попирающаго очаги національной культуры, то, съ другой стороны, пролетаріатъ не можетъ позволить «национальному принципу» стать поперекъ дороги неограниченному и глубоко-прогрессивному стремленію современнаго хозяйства планомерно организоваться на всемъ нашемъ континентѣ и далѣе на всемъ земномъ шарѣ. Имперіализмъ есть капиталистически-хищническое выраженіе этой тенденціи хозяйства окончательно вырваться изъ идиотизма національной ограниченности, какъ оно вырвалось въ свое время изъ идиотизма ограниченности деревенской и областной. Борясь противъ им-

періалистической формы хозяйственной централизаціи, социализмъ не только не выступаятъ противъ самой тенденціи, но, наоборотъ, дѣлаетъ ее своимъ собственнымъ руководящимъ принципомъ.

Съ точки зрѣнія историческаго развитія, какъ и съ точки зрѣнія задачъ социалдемократіи централизующая тенденція современнаго хозяйства является *основной* и за ней должна быть обезпечена полная возможность выполненія ея поистинѣ освободительной исторической миссіи: постройки объединеннаго мірового хозяйства, независимаго отъ національныхъ рамокъ и государственно-таможенныхъ заставъ, подчиненнаго только свойствамъ почвы, нѣдръ земныхъ, климата и потребностямъ раздѣленія труда. Поляки, эльзасцы, далматинцы, бельгійцы, сербы и еще не захваченныя малыя и слабыя европейскія націи лишь въ томъ случаѣ могутъ быть восстановлены или впервые утверждены въ тѣхъ національныхъ очертаніяхъ, къ которымъ они тяготеютъ, и главное, лишь въ той мѣрѣ смогутъ въ этихъ очертаніяхъ оставаться и свободно вести свое культурное существованіе, въ какой національныя группировки перестанутъ быть хозяйственными группировками, не будутъ связаны съ государственными границами, не будутъ экономически отдѣлены другъ отъ друга и противопоставлены другъ другу. Другими словами: для того, чтобы поляки, сербы, румыны и пр. могли создать дѣйствительно нестѣсенныя національныя объединенія, нужно, чтобы были уничтожены расщепляющія ихъ нынѣ на части государственныя границы: нужно, чтобы рамки *государства*, какъ *хозяйственной*, а не *національной организаціи* раздвинулись, охвативъ всю капиталистическую Европу, изрѣзанную таможенными и границами и раздраемую нынѣ войной. Предпосылкой самоопредѣленія большихъ и малыхъ націй Европы является государственное объединеніе самой Европы. Только подъ кровлей демократически-объединенной Европы, освобожденной отъ государственно-таможенныхъ перегородокъ, возможно національно-культурное существованіе и развитіе, освобожденное отъ національно-экономическихъ антагонизмовъ, на основѣ дѣйствительнаго самоопредѣленія.

Эта прямая и непосредственная зависимость национального самоопределения слабых народов от всего европейского режима исключает возможность для пролетариата ставить вопрос, напр., о независимости Польши или объединении всех сербов *снъ европейской революци*. Но это, с другой стороны, означает, что право на самоопределение, как составная часть пролетарской программы мира, имѣть не «утопическій», а революционный характеръ. Это соображеніе направляется по двумъ адресамъ: противъ имѣющихъ Давидовъ и Ландсберговъ, которые съ высоты своего империалистическаго «реализма» шельмуютъ принципъ національной независимости, какъ реакціонную романтику; и противъ упрощателей изъ нашего революціоннаго лагеря, которые объявляютъ этотъ принципъ осуществимымъ только при социализмѣ и этимъ избавляютъ себя отъ необходимости дать принципиальный отвѣтъ на національные вопросы, въ упоръ поставленные войной.

Между нашимъ нынѣшнимъ общественнымъ состояніемъ и социализмомъ пролегаетъ еще большая эпоха *соціальной революци*, т. е. эпоха открытой борьбы пролетариата за государственную власть, завоеванія ея и примѣненія этой власти въ цѣляхъ полной демократизаціи общественныхъ отношеній и систематическаго преобразованія капиталистическаго общества въ социалистическое. Это эпоха не умиротворенія и успокоенія, а, наоборотъ, высшаго напряженія соціальной борьбы, эпоха народныхъ возстаній, войнъ, расширяющихся опытовъ пролетарскаго режима, социалистическихъ реформъ. Эта эпоха потребуетъ отъ пролетариата практическаго, т. е. непосредственно-дѣйствительнаго отвѣта на вопросъ о дальнѣйшихъ условіяхъ существованія націи и ея взаимоотношеніяхъ съ государствомъ и хозяйствомъ.

IV. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ.

Мы пытались выше установить, что экономическое и политическое объединеніе Европы является необходимой предпосылкой самой возможности національнаго самоопределенія. Какъ лозунгъ *національной независимости*

мости сербовъ, болгаръ, грековъ и пр. остается голой абстракціей безъ дополняющаго его лозунга *федеративной балканской республики*, играющаго такую огромную роль во всей политикѣ балканской социалдемократіи, такъ въ обще-европейскомъ масштабѣ принципъ «права» на самоопредѣленіе можетъ получить плоть и кровь только въ условіяхъ европейской федеративной республики.

Но если на балканскомъ полуостровѣ лозунгъ демократической федераціи сталъ чисто-пролетарски, то тѣмъ болѣе это относится къ Европѣ съ ея несравненно болѣе глубокими капиталистическими антагонизмами.

Непреодолимой трудностью для буржуазной политики является уничтоженіе «внутреннихъ» европейскихъ таможенъ,—а безъ этого междугосударственные третейскіе суды и кодексы будутъ обладать не большей прочностью, чѣмъ, напр., бельгійскій нейтралитетъ. Стремленіе къ объединенію европейскаго рынка, порождаемое — наравнѣ со стремленіемъ къ захвату отсталыхъ не-европейскихъ странъ—развитіемъ капитализма, наталкивается на могущественное сопротивленіе самихъ же аграрныхъ и капиталистическихъ классовъ, въ рукахъ которыхъ таможенный аппаратъ въ сочетаніи съ аппаратомъ милитаризма, безъ котораго первый—ничто, является незамѣнимымъ орудіемъ эксплуатаціи и обогащенія.

Венгерская финансовая и промышленная буржуазія противилась экономическому объединенію съ капиталистически болѣе развитой Австріей. Австро-венгерская буржуазія непримиримо относится къ идеѣ таможенной униі съ болѣе сильной Германіей. Съ другой стороны германскіе аграріи никогда добровольно не примутъ уничтоженія хлѣбныхъ пошлинъ. Что экономическіе интересы имущихъ классовъ центральныхъ имперій не такъ легко согласовать съ интересами англо-франко-русскихъ капиталистовъ и аграріевъ, объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣлствуетъ нынѣшняя война. Наконецъ, несогласованность и несогласуемость капиталистическихъ интересовъ въ средѣ самихъ союзниковъ еще болѣе очевидна, чѣмъ въ центральныхъ имперіяхъ. Въ этихъ условіяхъ сколько-нибудь полное эконо-

номическое объединение Европы *сверху*, путем соглашения капиталистических правительств, является чистой водой утопией. Тут дело не может идти дальше частичных компромиссов и полумёр. Тем самым экономическое объединение Европы, сулящее огромные выгоды производителю и потребителю, всему вообще культурному развитию, становится революционной задачей европейского пролетариата в его борьбе с империалистическим протекционизмом и его орудием—империализмом.

Соединенные Штаты Европы—без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии—являются поэтому важнейшей составной частью пролетарской программы мира.

Идеологи и политики германского империализма выдвигали не раз, особенно в начале войны, *свою* программу европейских или, по крайней мере, средне-европейских (без Франции и Англии, с одной стороны, России—с другой) «соединенных штатов». Программа насильственного объединения Европы так же характерна для тенденций немецкого империализма, как для французских тенденций—программа насильственного расчленения Германии.

Если бы немецкие армии одержали ту решительную победу, на которую в Германии рассчитывали в первую эпоху войны германский империализм сблал бы, несомненно, гигантскую попытку осуществить принудительный военно-таможенный союз европейских государств, весь построенный на изъятиях и компромиссах, которые свели бы к минимуму прогрессивное значение объединения европейского рынка. Незачем говорить, что при этих условиях не могло бы быть и речи об автономии наций, насильственно связанных в каррикатуру европейских соединенных штатов. Такова именно перспектива, которую выдвигали иные оппоненты против защищаемой нами программы Соединен. Штатов Европы в доказательство того, что эта идея может, при известных условиях, получить «реакционное» монархически-империалистическое осуществление. Между тем, именно эта перспектива является самым ярким свидетельством в пользу революционной жизнеспособности лозунга Соединенных Штатов. Если бы не-

мецкому милитаризму удалось въ самомъ дѣлѣ насильственное полу-объединеніе Европы, какъ прусскій милитаризмъ осуществилъ въ свое время полу-объединеніе Германіи, каковъ былъ бы центральный лозунгъ европейскаго пролетариата? Расторженіе навязаннаго европейскаго единства и возвращеніе всѣхъ народовъ подъ кровлю изолированныхъ національныхъ государствъ? Возстановленіе «автономныхъ» таможенъ, «национальной» монеты, «національнаго» соціального законодательства и пр.? Разумѣется, нѣтъ. Программой революціоннаго европейскаго движенія стало бы уничтоженіе насильственной, антидемократической *формы* осуществленія единства при сохраненіи и дальнѣйшемъ развитіи его основъ—въ видѣ полного уничтоженія таможенныхъ перегородокъ, объединенія законодательства, прежде всего рабочаго и пр. Другими словами: лозунгъ Соединенныхъ Штатовъ Европы — *безъ монархій и самостоятельныхъ армій*—сталъ бы въ указанныхъ условіяхъ объединяющимъ и направляющимъ лозунгомъ европейской революціи.

Возьмемъ второй случай—исходъ войны «въ ничью». Еще въ самомъ началѣ войны извѣстный профессоръ Листъ, пропагандистъ «объединенной Европы», доказывалъ, что въ случаѣ, если бы Германіи не удалось побѣдить своихъ противниковъ, европейское объединеніе все равно произошло бы — даже еще полнѣе, по мнѣнію Листа, чѣмъ въ случаѣ германской побѣды. При все возрастающей потребности въ экспансіи (расширеніи) враждебно противостоящая другъ другу, но не способная въ то же время другъ съ другомъ справиться, европейскія государства продолжали бы мѣшать другъ другу выполнить свою «миссію» на Ближнемъ Востокѣ, въ Африкѣ и Азіи и оказались бы повсюду оттѣсняемы Соединенными Штатами Америки и Японіей. Именно при исходѣ войны въ «ничью» выдвигается, по мысли Листа, на передній планъ необходимость экономическаго и военнаго соглашенія европейскаихъ великихъ державъ — противъ слабыхъ и отсталыхъ народовъ и, прежде всего, разумѣется, противъ собственныхъ рабочихъ массъ. Выше мы указали уже, какія огромныя препятствія стоятъ на пути осуществленія этой программы. Преодоленіе этихъ препятствій, хотя бы только заполо-

вину, означало бы созданіе империалистическаго треста европейских государствъ, хищническаго товарищества на паяхъ. И эта перспектива неосновательно выдвигается подчасъ, какъ доказательство «опасности» лозунга Соединенныхъ Штатовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она является самымъ яркимъ доказательствомъ его реалистическаго и революціоннаго значенія. Еслибъ капиталистическимъ государствамъ Европы удалось сплотиться въ империалистическій трестъ, это, разумѣется, означало бы шагъ впередъ по сравненію съ *нынешнимъ* состояніемъ, ибо прежде всего создавало бы объединенную общеевропейскую матеріальную базу для рабочаго движенія. Пролетаріату и въ этомъ случаѣ приходилось бы бороться не за возвратъ къ «автономному» національному государству, а за превращеніе империалистическаго треста государствъ въ республиканскую европейскую федерацію.

Объ этихъ широкихъ планахъ объединенія Европы *сверху* говорятъ, однако, тѣмъ меньше, чѣмъ дальше подвигается война, обнаруживающая полную неспособность милитаризма справиться съ вопросами, вызванными войну. На смѣну империалистическимъ «Соединеннымъ Штатамъ Европы» выступили планы экономическаго объединенія Австро-Германіи, съ одной стороны, четвертого согласія—съ другой, съ боевымъ тарифомъ и дополняющимъ его милитаризмомъ другъ противъ друга. Послѣ сказаннаго выше нечѣмъ пояснять, какое огромное значеніе, при осуществленіи этихъ плановъ, получила бы въ политикѣ пролетаріата обоихъ государствѣнныхъ «трестовъ» борьба противъ воздвигнутой ими таможенной и военно-дипломатической стѣны—за экономическое объединеніе Европы.

Но сейчасъ, послѣ столь многообѣщающаго начала русской революціи, у насъ есть всѣ основанія надѣяться на то, что еще въ теченіе этой войны развернется во всей Европѣ могущественное революціонное движеніе. Ясно, что оно сможетъ успѣшно развиваться и придти къ побѣдѣ только какъ *общеевропейское*. Оставаясь изолированнымъ въ національныхъ рамкахъ, оно оказалось бы обречено на гибель. Наши социаль-патріоты указываютъ на опасность русской революціи со стороны германскаго милитаризма. Эта опасность несомнѣнна, но это не единственная опасность. Англійскій, французскій,

итальянскій имперіализмъ является не менѣе грознымъ врагомъ русской революціи, чѣмъ военная машина Гогенцоллерна. Спасеніе русской революціи—въ перенесеніи ея на всю Европу. Если бы революціонное движеніе развернулось въ Германіи, нѣмецкій пролетаріатъ искалъ бы—и нашелъ бы—революціонный откликъ во «вражескихъ» странахъ Запада и если бы въ одной изъ странъ Европы пролетаріатъ вырвалъ изъ рукъ буржуазіи власть, онъ былъ бы вынужденъ, хотя бы только для того, чтобы удержать эту власть въ своихъ рукахъ, немедленно поставить ее на помощь революціонному движенію въ другихъ странахъ. Иными словами: установленіе прочнаго режима пролетарской диктатуры оказалось бы мыслимымъ только на протяженіи всей Европы, стало бы, въ формѣ европейской республиканской федераціи. Государственное объединеніе Европы, не достигнутое ни силою оружія, ни промышленными и дипломатическими договорами, встало бы въ этомъ случаѣ, какъ неотложная задача побѣдоноснаго революціоннаго пролетаріата.

Соединенные Штаты Европы есть лозунгъ революціонной эпохи, въ которую мы вступили. Какой бы ходъ ни приняли въ дальнѣйшемъ военныя дѣйствія: какъ бы дипломатія ни подвела итоги нынѣшней войны; каковымъ бы темпомъ ни пошло въ ближайшій періодъ развитіе революціоннаго движенія, лозунгъ Соедин. Штатовъ Европы получить во всѣхъ случаяхъ огромное значеніе, какъ политическая формула борьбы европейскаго пролетаріата за власть. Въ этой программѣ находитъ свое выраженіе тотъ фактъ, что національное государство пережило себя—какъ рама для развитія производительныхъ силъ, какъ база для классовой борьбы и тѣмъ самымъ, какъ государственная форма диктатуры пролетаріата. Наше отрицаніе «защиты отечества», какъ пережившей себя политической программы пролетаріата, перестаетъ быть чисто-отрицательнымъ актомъ идейно-политической самообороны, а получаетъ все свое революціонное содержаніе лишь въ томъ случаѣ, если консервативной защитѣ устарѣвшаго національнаго отечества мы противопоставляемъ прогрессивную задачу созданія новаго, болѣе высокаго «отечества» революціи—республиканской Европы, исходя изъ которой пролета-

пріять только и сможет революціонизировать и организовывать весь міръ.

Въ этомъ, между прочимъ, отвѣтъ тѣмъ, которые космогонически спрашиваютъ: «почему объединеніе Европы, а не всего мира?». Европа не только географическій терминъ, а и нѣкоторая экономическая и культурно-историческая общность. Европейской революціи не приходится дожидаться революціи въ Азіи и Африкѣ, ни также въ Австраліи и Америкѣ. А между тѣмъ, побѣдоносная революція въ Россіи или Англии немислима безъ революціи въ Германіи,—и наоборотъ. Настоящую войну называютъ міровой, но воюеть-то, даже и послѣ впечатлительства Соединенныхъ Штатовъ, все-таки Европа. И революціонныя проблемы стоятъ, прежде всего, предъ европейскимъ пролетариатомъ.

Само собою разумѣется, что Соединенные Штаты Европы станутъ лишь одной изъ двухъ осей *мировой* организаціи хозяйства. Другой осью ляжетъ Соединенные Штаты Америки.

Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображеніе противъ лозунга Соединенныхъ Штатовъ было формулировано въ швейцарскомъ «Соціал-демократѣ» въ слѣдующей фразѣ: «Неравномѣрность экономического и политическаго развитія есть безусловный законъ капитализма». Отсюда газета т. т. Ленина и Зиновьева дѣлала тотъ выводъ, что возможна побѣда социализма въ одной странѣ, и что неважѣмъ поэтому диктатуру пролетаріата въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ обусловливать созданіемъ Соединенныхъ Штатовъ Европы. Что капиталистическое развитіе разныхъ странъ неравномѣрно, это совершенно безспорное соображеніе. Но самая эта неравномѣрность весьма неравномѣрна. Капиталистическій уровень Англии, Австріи, Германіи или Франціи неодинаковъ. Но по сравненію съ Африкой и Азіей все эти страны представляютъ собою капиталистическую «Европу», созрѣвающую для социальной революціи. Что ни одна страна не должна «дожидаться» другихъ въ своей борьбѣ, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельнаго интернаціональнаго дѣйствія не подмѣнялась идеей выжидательнаго интернаціональнаго бѣздѣйствія. Не дожидаясь другихъ, мы начинаемъ и

продолжаемъ борьбу на національной почвѣ въ полной увѣренности, что наша инициатива дастъ толчекъ борьбѣ въ другихъ странахъ; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать—такъ свидѣтельствуютъ и опытъ истории и теоретическія соображенія—что, напр., революціонная Россія могла бы устоять передъ лицомъ консервативной Европы или социалистическая Германія могла бы остаться изолированной въ капиталистическомъ мірѣ.

Разсматривать перспективы социальной революціи въ національных рамкахъ, значило бы становиться жертвой той самой національной ограниченности, которая составляетъ сущность социалпатріотизма. Вальтеръ до конца дней своихъ считалъ Францію обреченной землей социальной революціи и именно въ этомъ смыслѣ стоялъ за ея защиту до конца. Ленчъ и др.—одни лицемерно, другіе искренно—считаютъ, что поражение Германіи означаетъ въ первую голову разрушеніе основы социальной революціи. Наконецъ, наши Церетели и Черновы, воспроизводя въ нашихъ національных условіяхъ печальнѣйшій опытъ французскаго министеріализма, клянутся, что ихъ политика служить дѣлу революціи и не имѣетъ поэтому ничего общаго съ политикой Гэда и Семба. Не нужно вообще забывать, что въ социалпатріотизмъ, наряду съ вульгарнѣйшимъ реформизмомъ, подвизается національно-революціонный мессіаниззмъ, который считаетъ именно свое національное государство — по состоянію ли его индустріи или по его демократической формѣ и революціоннымъ завоеваніямъ—призваннымъ ввести человѣчество въ социализмъ или въ «демократію». Если бы побѣдоносная революція, дѣйствительно, мыслима была въ предѣлахъ одной болѣе подготовленной націи, этотъ мессіанизмъ, связанный съ программой національной обороны, имѣлъ бы свое относительное историческое оправданіе. Но онъ его на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Борьба за охраненіе національной базы революціи такими методами, которые подрываютъ интернаціональныя связи пролетаріата, значитъ фактически подкапываться подъ революцію, которая не можетъ не начаться на національной базѣ, но которая не можетъ на ней завершиться при нынѣшней экономической и военно-политической взаимозави-

симости европейских государств, никогда еще не раскрывавшейся съ такой силой, как именно въ нынѣшней войнѣ. Этой взаимозависимости, которая будетъ прямо и непосредственно обуславливать согласованіе дѣйствій европейскаго пролетаріата въ революціи, и дать выраженіе лозунгъ Соединенныхъ Штатовъ Европы.

Соціалъ-патріотизмъ, который принципиально, если не всегда фактически, есть доведеніе до послѣднихъ выводовъ и примѣненіе къ империалистической эпохѣ соціалъ-реформизма, предлагаетъ намъ въ нынѣшней міровой катастрофѣ направлять политику пролетаріата по линіи «меньшаго зла», примыкая къ одной изъ воюющихъ группировокъ. Мы отбрасываемъ этотъ методъ. Мы говоримъ, что подготовленная всѣмъ предшествующимъ развитіемъ европейская война поставила ребромъ основныя проблемы современнаго капиталистическаго развитія въ цѣломъ, и что линія поведения международнаго пролетаріата и его національныхъ отрядовъ должна опредѣляться не вторичными политическими и національными признаками, не проблематическими выгодами военнаго перевѣса той или другой стороны—причемъ за эти гадательныя выгоды приходится авансомъ платить полнымъ отказомъ отъ самостоятельной политики пролетаріата, а основнымъ антагонизмомъ международнаго пролетаріата и капиталистическаго режима въ цѣломъ.

Эта единственно принципиальная постановка вопроса имѣетъ по самому существу своему соціально-революціонный характеръ. И только она даетъ теоретическое и историческое оправданіе тактикѣ революціоннаго интернаціонализма.

Отказывая государству—не отъ имени пропагандистскаго кружка, а отъ имени важнѣйшаго класса—въ поддержкѣ во время величайшей катастрофы, интернаціонализмъ не просто пассивно уходитъ «отъ грѣха», но говоритъ, что судьба міроваго развитія не связана для насъ больше съ судьбой національнаго государства; болѣе того, что это послѣднее стало тисками развитія и должно быть преодолено, то-есть замѣнено болѣе высокой хозяйственно-культурной организаціей на болѣе широкомъ фундаментѣ. *Еслибы проблема социализма могла быть совместима съ рамками національнаго го-*

сударства, то она, темъ самымъ, была бы совместиа съ національной обороной. Но проблема социализма встаетъ предъ нами на империалистической основѣ, то-есть въ такихъ условіяхъ, когда самъ капитализмъ вынужденъ насильственно ломать имъ же установленныя національно-государственныя рамки.

Империалистическое полу-объединеніе Европы могло бы быть достигнуто, какъ мы старались показать, въ результатъ какъ рѣшительной побѣды одной группы великихъ державъ надъ другой, такъ и самого нерѣшительнаго окончанія войны. И въ томъ, и другомъ случаѣ объединеніе Европы означало бы полное поправленіе принципа національнаго самоопредѣленія для всѣхъ слабыхъ націй и сохраненіе и централизацію всѣхъ силъ и орудій европейской реакціи: монархіи, постоянной армии и тайной дипломатіи.

Демократическое, республиканское объединеніе Европы, дѣйствительно способное обезпечить свободу національнаго развитія, возможно только путемъ революціонной борьбы противъ милитаристическаго, империалистическаго, династическаго централизма, путемъ возстаній въ отдѣльныхъ странахъ; путемъ слиянія этихъ возстаній въ общеевропейскую революцію. Но побѣдоносная европейская революція, — каковы бы ни были ея перипетіи въ отдѣльныхъ странахъ — за отсутствіемъ другихъ революціонныхъ классовъ, можетъ передать власть только пролетаріату. Слѣдовательно, Европейскіе Соединенные Штаты прежде всего представляютъ собою форму — единственно мыслимую форму — диктатуры европейскаго пролетаріата.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловіе	3
Что такое программа мира	8
Statis quo ante bellum	12
Прага націй на самоопредѣленіе	16
Содѣянные Штагы Европы	20

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СИЛАДЪ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ: { Стремянная, 11, тел. 648-62.
Невскій пр., 74, „ 131-49.

Отд. въ Москвѣ: Б. Садовая, д. Пигить, 10, кв. 33, тел. 5-60-22*

Библиотека „КНИГА“.

1. Программа Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи	12 к.
2. Ник. Андреевъ — Съ царемъ или безъ царя?	12 »
3. » » Права гражданина	15 »
4. » » Земельный вопросъ	15 »
5. Вл. Войтинскій. — Крестьянинъ, рабочий и солдатъ	15 »
6. » » Отвѣтственность министровъ при царизмѣ и въ Революціонной Россіи (Сов. Раб. и Солд. Депутатовъ и Временное Правительство).	15 »
7. А. Колонтай. — Кто такіе социаль-демократы?	15 »
8. С. Г. Сватиковъ. — Всенародное Учредительное Собраніе	25 »
9. В. Розановъ. — Организация верховной власти	15 »
10. » » Демократическая республика и всеобщій миръ	15 »
11. К. Тахтаревъ. — Что такое демократическая республика?	15 »
12. А. Ерманскій. — День борьбы за миръ	10 »
13. П. Анкинъ. — Кого крестьяне и рабочие должны выбирать въ Учредительное Собраніе	25 »
14. М. Хейсинъ и Л. Щегло. — Чему учать социаль-демократы?	35 »
15. Э. Пименова. — Постоянное войско и милиція	15 »
16. » » Въ странѣ хлѣборобовъ (Канада)	15 »
17. » » Колонія Республика (Нов. Зеландія)	15 »
18. » » Швейцарія	15 »
19. » » Исторія Коммуны 1871 г.	15 »
20. С. Дишштейнъ. — Чѣмъ люди живутъ?	20 »
21. Ольговичъ. — Всеобщее избирательное право	15 »
22. » » Республ. (Соедин. Штаты Америки)	15 »
23. » » Какъ англичане выбираютъ своихъ представителей?	15 »
24. Ольговичъ. — Права челоѣка и гражданина	15 »
25. » » Освобожденіе женщины	15 »

Общественнымъ организациямъ предоставляется скидка. Въ про-
вицію книги высылаются наложеннымъ платежемъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ: { Стремянная, 11, тел. 6-48-62.
Невскій пр., 74, „ „ 131-49.

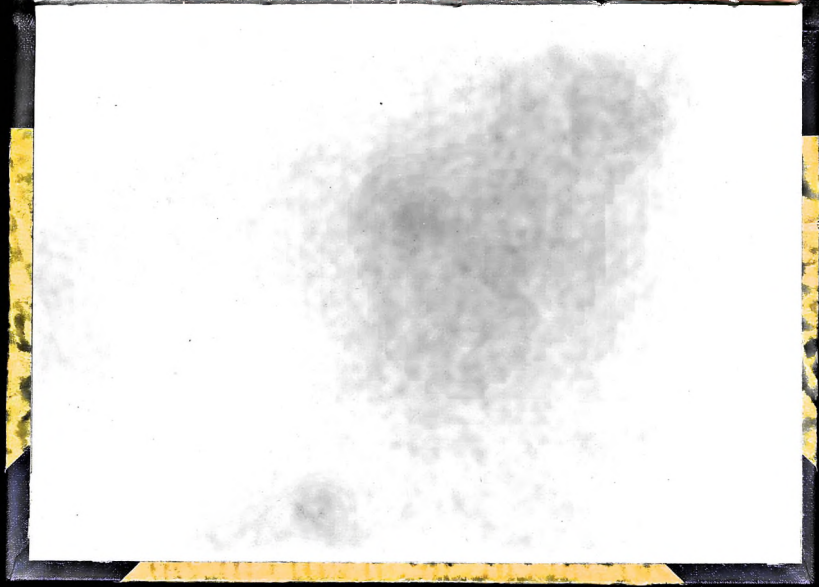
Отд. въ Москвѣ: Б. Садовая, л. Пигиць, 10, кв. 33, тел. 5-60-22.

Библиотѣка „КНИГА“.

26. Ольговичъ.—Учредительное Собрание и демократическая республика	15 к.
27. Л. Троцкий.—Программа мира (Къ Стокгольмской конференціи)	30 »
28. Л. Троцкий.—Въ плѣну у англичанъ	20 »
29. Л. Мартовъ.—Фридрихъ Адлеръ	15 »
30. Ю. Ларинъ.—Война и земельная программа	15 »
31. Л. Н. Клейнбортъ.—Неприкосновенность личности	15 »
32. Робертъ Гриммъ.—Защита отечества и малаяя государства	15 »
33. Ній.—Аграрный вопросъ	15 »
34. М. М. Добраницкій.—Избирательный законъ въ Учредительное Собрание	15 »
35. А. Юффе.—О самоуправленіи	15 »
36. Л. В. Щегло.—Какъ хотѣть социаль-демократы устроить городскую жизнь?	15 »
37. П. Лафаргъ.—Патріотизмъ буржуазіи	15 »
38. Первая Циммервальдская конференція	25 »
39. Кинтальская конференція	25 »
40. Шиппель.—Профессиональные союзы	40 »
41. А. Ковровъ.—Домашняя прислуга	15 »
42. П. Елецкій.—Земельный вопросъ до Учредительнаго Собранія	15 »
43. П. Елецкій.—Земельный вопросъ въ Учредительномъ Собраніи	15 »
44. П. Берлинъ.—Кто за кого голосуетъ на Западѣ?	25 »
45. Ст. Струмилинь.—Община и земельный вопросъ	30 »
46. » Что говорятъ соц.-демократы въ защиту свободы совѣсти	60 »
47. Ній.—Возможна-ли отмѣна частн. собственности?	15 »
48. А. Бибиць.—Въ темную ночь	60 »

Книжный складъ „КНИГА“ поставилъ себѣ задачей имѣть въ продажѣ всѣ изданія марксистскаго направленія, а также всю выходящую литературу другихъ социалистическихъ партій по рабочему и крестьянскому вопросамъ.

Общественнымъ организациямъ предоставляется скидка. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежемъ.



75r

